* * *

Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. — 431 с. ISBN: 978-5-9908165-1-0

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: repytwjd68@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-153-160

Рецензируемая книга — последняя, итоговая работа крупного российского историка Александра Владимировича Островского (1947–2015), изданная посмертно[1]. Она увидела свет при помощи его коллег-единомышленников С. А. Нефедова и А. И. Фурсова, которые написали к ней предисловия. Островский — историк широкого круга интересов. Его перу, помимо прочего, принадлежит большая монография о дореволюционном периоде жизни Сталина — одно из наиболее значительных, на мой взгляд, произведений мировой исторической сталинианы[2], ряд «неформатных» историко-публицистических книг о политических процессах в СССР и России 1980–1990-х годов и др. Однако стержнем его научной биографии, как теперь очевидно, была аграрная проблематика. Над ней он трудился по крайней мере с конца 1970-х годов, по ней защитил докторскую диссертацию в 1989 году. Будучи человеком с активной общественно-политической позицией, он в 1990-е годы ушел от аграрных сюжетов к политической истории, но та же позиция заставила его вернуться к ним в последние годы.

2000-е годы ознаменовались дискуссиями в российской историографии об уровне и характере развития поздней царской России, об истоках российских революций и роли экономических факторов в их возникновении. В это время ветшала и разрушалась старая, советская парадигма аграрной истории «периода капитализма», при общем падении интереса к данной проблематике сходили со сцены ее последние представители. С другой стороны, набирали вес работы зарубежных и российских историков (П. Грегори, Б. Н. Миронова, М. А. Давыдова и др.), оспаривавших и опроки-

1. Другая вышедшая посмертно его книга «Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны?» (СПб.: Полторак, 2016) — сборник статей, публиковавшихся ранее.
2. *Островский А.В.* (2002). Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС.

дывавших постулаты старой школы. Островский выступил одним из наиболее сильных их оппонентов. В 2010-х вышли две его большие монографии — о зерновом производстве и животноводстве Европейской России конца XIX — начала XX века[3]. «Российская деревня...» замыкает этот ряд.

Книга состоит из введения и семи глав. Заключения она не имеет, поскольку осталась не вполне завершенной, что, однако, не разрушило ее концептуальной целостности. В основе работы лежит вполне определенная теория исторического и аграрно-экономического развития, сформированная на основе марксизма. Я бы уточнил: рамки, в которых движется авторская мысль, задаются социалистической парадигмой, совмещающей в себе марксистско-ленинскую и народническую концепции «аграрного вопроса». Сам автор вряд ли согласился бы с таким определением: авторы левого толка часто склонны видеть между марксизмом и народничеством пропасть, тогда как внешним наблюдателям видны давно построенные над пропастью мосты с широкополосными автострадами и интенсивным трафиком в обе стороны.

Первая же фраза книги вводит читателя в основной проблемный контекст: «Непрекращающиеся споры о причинах революции 1917 года в России снова и снова возвращают нас к положению дел в дореволюционной деревне» (с. 12). «Главную цель» своей работы Островский видит «не только в том, чтобы дать комплексную характеристику российской деревни на рубеже XIX–XX вв., но и объяснить, как в деревне складывались предпосылки того революционного взрыва, который произошел в 1917 году, и почему он приобрел именно такой характер» (с. 35). Таким образом, центральной проблемой для автора является выяснение причин революции, и пролить свет на эти причины должно исследование аграрно-экономических процессов. Такая постановка проблемы — «аграрный вопрос» и революция — вполне традиционна для нашей историографии.

Введение дает краткий очерк обширнейшей литературы об «аграрном вопросе»: от В. В. Берви-Флеровского до Б. Н. Миронова. К сожалению, за рамками анализа осталась иностранная историография. В итоге Островский выделил ряд недостаточно изученных и спорных аспектов, вокруг которых затем строит свою книгу. Среди них: история сельскохозяйственного производства (в отличие от аграрных отношений); механизмы ценообразования на аграрном рынке; доходность разных отраслей; степень развития аграрного капитализма в крестьянском и помещичьем хозяйстве; состояние общины и кооперации; эксплуатация деревни со стороны государства, ростовщиков, торговцев; взаимодействие ка-

3. *Островский А. В.* (2013). Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторак; *Островский А. В.* (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторак.

питалистического развития города и деревни; сравнение аграрного развития России с опытом других стран; аграрная политика правительства.

Концептуальное значение имеют прежде всего первая и последняя главы книги. Первая — «Зарождение капитализма в России» — задает парадигму исследования: приложение теории капитализма к аграрной истории России. Собственно, этим занималась вся советская историография, вышедшая, как известно, из ленинского «Развития капитализма в России». В постсоветский период этот «капиталистический» дискурс заметно увял, думается, не в последнюю очередь потому, что многие историки давно уже перестали понимать значение самого термина «капитализм» и при первой же возможности от него освободились. Там, где в советской литературе, следуя за Лениным, писали о двух путях (прусском и американском) *развития капитализма в сельском хозяйстве*, в постсоветской обычно стали писать просто о двух *путях аграрного развития*. Островский был одним из немногих историков-аграрников, сохранявших серьезный интерес к теории капитализма и продолжавших разрабатывать ее приложения к аграрной истории. Разумеется, это была творческая разработка, далекая от повторения затверженных догм марксизма-ленинизма.

Прежде всего у Островского акцентирован демографический фактор исторического развития, который, по существу, положен в основу процесса смены форм аграрного производства, то есть систем сельского хозяйства. Переход от экстенсивных систем к более интенсивным мыслится следствием роста плотности населения. Такой подход позволил Островскому включить в ареал своей концепции труды и достижения всей той части предшествующей историографии, которая, вслед за В. О. Ключевским, писала историю России как историю страны, «которая непрерывно колонизируется», т. е. заселяется и осваивается собственным населением.

Классический капитализм, описанный Марксом, принимается Островским как «английская модель» капитализма, то есть частный случай, по отношению к которому национальная модель развития каждой страны нуждается в учете ее специфических особенностей. В связи с этим он находит «три принципиальные ошибки», допущенные, правда, неизвестно кем, в интерпретации теории капитализма (с. 47). Раскрывая их, он намечает не три, а значительно больше важных теоретических аспектов. Во-первых, со ссылкой на Маркса, утверждает, что категория прибавочной стоимости в крестьянском хозяйстве (в «доходе мелкотоварного производителя») сливается с категорией переменного капитала и на практике такое хозяйство может функционировать, не получая прибавочной стоимости (с. 48). От такого признания остается полшага до вывода, что крестьянское хозяйство попросту плохо описывается категориями Марксовой политэкономии и для его изучения удобнее использовать иные, например предлагавшиеся А. В. Чаяновым,

модели некапиталистического хозяйства, но эти полшага Островский не делает.

Вторая ошибка, по его мнению, заключалась в том, что закономерности складывания и развития капитализма в промышленности стали механически переносить на сельское хозяйство (с. 48). Далее Островский обосновывает наличие у сельского хозяйства «особых законов» ссылками на Каутского и Маркса. Как известно, тезис об особых законах сельского хозяйства был отправным пунктом и главным аргументом так называемого ревизионизма в марксизме с середины 1890-х годов; его развернутое обоснование, со ссылками на Маркса и без оных, в свое время дали Э. Давид, Ф. Герц, С. Н. Булгаков и другие, заставившие в итоге признать это положение даже такого столпа марксистской ортодоксии, как Каутский. На этом месте так и хочется воскликнуть: бедные советские историки, выросшие в казематах идеологической цензуры, им для этого открытия понадобился еще целый век!

Затем Островский пишет об альтернативности исторического процесса. Далее — о важной роли природно-географических факторов: «...По мере продвижения с севера на юг возрастает производительность земли и сокращаются производственные издержки, а значит, при прочих равных условиях возрастает прибавочный продукт. И наоборот, по мере продвижения с юга на север происходит падение производительности земли и повышение производственных расходов, а значит, сокращение прибавочного продукта. Именно здесь главная причина того, почему при переходе от присваивающего хозяйства к производящему именно южные регионы стали центрами цивилизации. Именно здесь одна из причин, почему кризис доиндустриального сельского хозяйства именно на севере создавал почву для более быстрого развития капитализма» (с. 50). Такие утверждения граничат уже с географическим детерминизмом, которому всегда противостоял марксизм как экономическая теория.

Еще одно важное теоретическое допущение, принятое в концепции Островского: «Многое зависело не только от особенностей тех или иных стран, которые втягивались на путь капитализма, но и времени, когда это происходило, так как в зависимости от этого менялось все окружение, в котором жила та или иная страна, а значит, *менялись внешние условия и только по одной этой причине не могло иметь место повторение тех закономерностей, которые имели место до этого* (курсив автора. — *И. К.*)» (с. 51). Насколько мне известно, этот тезис был ключевым у народника В. П. Воронцова еще в 1880-х годах и долго повторялся затем в полемике против русских марксистов во многих его выступлениях и в работах его последователей, например Н. А. Каблукова. Из этого тезиса народнические экономисты делали вывод, что в России невозможен капитализм западноевропейского типа, что Россия в силу отставания, а также в силу природно-климатических особенностей (долгой зимы) не сможет повторить успешный опыт экономического прогресса на основе

рыночной экономики. Она обречена при капитализме на роль бедной колонии, эксплуатируемой иностранным капиталом. Сколько сил потратили тогда российские марксисты на опровержение этих теорий!.. Добрая половина ленинского собрания сочинений посвящена их развенчанию. Теперь они транслируются в виде теории эшелонов развития мирового капитализма А. Гершенкорона (с. 52–53). Вывод следует, аналогичный воронцовскому: «Те страны, которые не успевали своими силами с привлечением иностранного капитала осуществить переход от аграрной экономики к индустриальной, превращались в колонии „мастерской мира“, в их аграрные или сырьевые придатки, и здесь „модернизация“ производилась извне целиком и полностью в интересах метрополий. Причем метрополии далеко не сразу и повсеместно разрушали старую экономику. Наоборот, чаще всего они прежде всего подчиняли себе докапиталистические уклады, консервировали их и превращали в один из инструментов эксплуатации этих стран. Причем если первоначально для этого использовались методы внеэкономического принуждения, то потом — ростовщическая эксплуатация» (с. 53).

Именно такой видится Островскому история капитализма в России. Зарождение капитализма он относит преимущественно к эпохе после 1861 года. В качестве особенностей российского капитализма выделены его относительно позднее появление, незавершенность промышленного переворота, высокая роль государства и сильная зависимость от иностранного капитала: «...Вся пореформенная эпоха характеризовалась возрастанием зависимости России от иностранного капитала, усилением ее эксплуатации извне» (с. 80). Если в теоретических построениях Островского и осталось что-то в целости и сохранности от классического наследия Маркса, то это как раз теория эксплуатации.

Таким образом, развитие теории капитализма применительно к аграрной истории вело Островского к отказу от догматов советской историографии и расширению методологического инструментария. Расширение достигалось в основном за счет выхода из круга идей ленинского «Развития капитализма в России» в сторону той идейной традиции, которая восходит в своих истоках к воронцовским «Судьбам капитализма в России». Думается, такая эволюция характерна для многих отечественных историков, сохранивших в постсоветский период свои социалистические убеждения, сформировавшиеся еще в советское время. Когда-то два направления российской социалистической мысли — народничество и марксизм — политически конкурировали на поле интерпретаций идей Карла Маркса. Теперь же современные авторы социалистической ориентации, не скованные рамками партийной дисциплины и цензуры, склонны синтезировать интерпретации обоих направлений. Часто это происходит неосознанно, поскольку люди, мыслящие в одной парадигме, совершают одни и те же логические умозаключения, оперируя аналогичными концептами и категориями.

Основное содержание книги заключено в главах 2–6. В них на широком круге источников характеризуются: зерновое производство (глава 2), животноводство (глава 3), процессы товаризации сельского хозяйства (глава 4), структура помещичьего (глава 5) и крестьянского (глава 6) хозяйства. В этих разделах аккумулирован громадный материал, во многом разработанный в предшествующих двух (названных выше) монографиях автора. Стиль изложения Островского — лаконичный, ясный, фактологичный. Книга насыщена статистикой, на ее страницах 200 статистических таблиц, большинство которых родилось в результате авторских подсчетов. Все подсчеты основаны на имеющейся в распоряжении историков статистике, без внесения каких-либо поправок. Сложные математико-статистические методы не применялись, но в рамках возможностей традиционной нарративной историографии Островский, вероятно, достиг максимума. Объем проделанной им работы впечатляет.

В краткой рецензии невозможно охватить все сделанные автором по различным конкретным вопросам заключения и выводы, как и использованные им, подчас весьма оригинальные, методики. Из важнейших результатов следует отметить расчет продовольственного и кормового баланса российского сельского хозяйства, сделанный на основе официальной урожайной статистики ЦСК. Островский показал, что Европейская Россия «могла обеспечить свои продовольственные потребности за счет внутреннего производства и даже имела небольшие продовольственные излишки», которые в среднем за 1896–1915 годы составляли 6% (с. 119). Баланс фуражного зерна сводился с большим дефицитом, который, однако, покрывался за счет избытка сена и соломы (с. 143–144). При этом среднедушевое производство зерна сохранялось в течение данных 20 лет приблизительно на одном и том же уровне (с. 109–110). Анализ статистики животноводства показал, что «на протяжении всей пореформенной эпохи обеспеченность населения скотом сокращалась, а продуктивность скота снижалась, удовлетворение потребностей населения в продуктах животноводства тоже имело тенденцию к снижению» (с. 167). Подсчеты себестоимости и доходности зернового производства привели Островского к заключению, что «накануне Первой мировой войны зерновое производство Европейской России являлось убыточным» (с. 202). Рассмотрев показатели функционирования крестьянского и помещичьего хозяйства, Островский пришел к выводу, что в условиях капитализма в массовом масштабе происходило их постепенное разрушение как производственных типов. За обеднением масс крестьян, их раскрестьяниванием, за оскудением поместного землевладения и ростом кабальной эксплуатации исследователь видит общую экономическую предпосылку — нерентабельность сельского хозяйства России (с. 318, 331–338 и др.).

Особенностью работы Островского является объединение 50 губерний Европейской России в 4 макрорегиона. В качестве крите-

рия использован период вхождения территории соответствующей губернии в состав Российского государства и период начала ее земледельческого освоения. К зоне раннего освоения относились два макрорегиона: 1) территории исторического ядра Российского государства, то есть земли, входившие в состав Московского государства к середине XVI века (14 губерний Нечерноземной полосы), названные «Севером»; 2) территории, присоединенные к России в XVIII в. (12 губерний), обозначенных как «Запад». К зоне поздней земледельческой колонизации относились: 3) территории, заселявшиеся земледельцами с XVI веке и в основном освоенные в XVIII веке (15 губерний преимущественно черноземной полосы, включая Среднее Поволжье и Приуралье), условно названные «Центром»; 4) территории, земледельческое освоение которых продолжалось в XX веке (9 губерний, преимущественно черноземно-степной полосы), обозначенные как «Юг». Данная типология была предложена Островским еще в начале 1980-х годов, но в последних его работах она выступает основой структурирования статистики: большинство показателей во всех главах книги он рассчитывал и сопоставлял по этим макрорегионам. Впрочем, ряд важных показателей был рассмотрен им и в погубернском разрезе.

Заслуживает внимания заключительная, седьмая глава книги Островского — «Аграрный вопрос в России». В ней описаны сменявшие друг друга идеи и проекты аграрных преобразований, обсуждавшиеся в правительстве при последних Романовых. Оцениваются аграрные программы основных политических партий, законодательные нормы, регулировавшие столыпинскую реформу, и результаты реформы. Прослеживаются истоки социалистических проектов решения «аграрного вопроса» — кооперации и перехода крестьян к артельному или коллективному хозяйству. Глава написана конспективно и чрезвычайно емко, при минимуме авторских оценок. Разумеется, авторская позиция здесь присутствует. Подведя в предыдущих главах, с цифрами в руках, читателя к мысли, что капитализм в сельском хозяйстве России был неэффективен, а функционирование в условиях капитализма для крестьян и крупных хозяйств в значительной степени разрушительно, автор логично подошел к необходимости представить альтернативу. Книга не случайно заканчивается демонстрацией роста влияния социалистического проекта в общественных и даже правительственных кругах в канун и во время Первой мировой войны.

Характерно, что при этом Островский старательно избегает самого понятия «социалистический». Слово «капитализм» в лексиконе его книги есть и активно эксплуатируется, а «социализма» нет. Говоря о различных социалистических проектах, он ограничивается в каждом конкретном случае цитатами и терминами источников: «артельное хозяйство», «коллективная обработка земли» и т. п., не обобщая эти теоретические конструкты и отказываясь их как-то категоризировать. Возможно, автор таким образом хотел

подчеркнуть свою объективность, политическую нейтральность? Однако можно заметить, что тем самым он, сознательно или нет, формирует у читателей впечатление, будто политически нейтральными были сами проекты, предложения, резолюции съездов и т. д., содержавшие идеи перестройки сельского хозяйства на началах социализма. Как будто идеи коллективизации возникали в разных общественных институтах разрозненно, чуть ли не стихийно, вне какой-либо общей связи и вообще вне связи с теорией, вырастали непосредственно из практики. Можно подумать, что агрономы и чиновники, выступавшие с такого рода проектами на агрономических съездах начала XX века, сами не знали слова «социализм». (Не учились в российских университетах и институтах и не слушали там курсы политической экономии? Не читали (и не писали) проекты программ политических партий?)

В нашей историографии существует огромная масса работ по теме «аграрного вопроса» в политике власти и оппозиционных партий, движений, в деятельности отдельных исторических персон и трудах писателей конца XIX — начала XX века, а также по различным аспектам этой темы. Вспоминается очень значительная работа Я. Коцониса «Как крестьян делали отсталыми», с которой Островский, по-видимому, не был знаком. Тем не менее еще многое в этой теме, в том числе истоки идей коллективизации сельского хозяйства, остается непроясненным. Думается, данная глава книги Островского, вобравшая в себя результаты многолетнего труда исследователя, не должна затеряться среди этой массы литературы. При сравнительно малом объеме текста здесь сконцентрировано большое содержание.

То же заключение можно повторить и в отношении всей книги. К ней, несомненно, будут обращаться профессиональные историки, студенты и просто заинтересованные читатели-непрофессионалы, находя там и позитивную информацию, и предметы для новых дискуссий. Многие вопросы, поднятые более столетия назад, остаются актуальными и поныне.

* * *

Ostrovsky A. V. Russian Village at the Historical Crossroads. The End of XIX — Early XX century. Moscow: Association of Scientific Publications of KMC, 2016. 431 p. ISBN: 978-5-9908165-1-0

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russia, 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-153-160